

рам, издал «многовековую быль» **«Один с сошкой, а семеро с ложкой»** (1917).

После Февральской революции Ш. вернулся в родные Печатники, стал председателем волостного земства. После Октябрьской революции был председателем волостного комитета, секретарем партийной ячейки, военным комиссаром, народным судьей. Стихи Ш. широко публикуются во мн. газ. и ж., сб. «Коммунар», «Беднота», «Рабочая Москва», «Кузница» и др. Написал **«Гимн коммунаров»** (1918), который становится популярным. В годы Гражданской войны песня Ш. «Кузнецы» приобрела всероссийскую известность, стала международной революционной песней. Ставшие ныне легендарными и хрестоматийными строки «Мы — кузнецы, и дух наш молод, куем мы к счастью ключи» начинают песню и громогласно ее завершают.

Наиболее полный по сравнению с предшествующими сб. стих. Ш. **«Гимн труду»** вышел в 1922. В 1923 была сделана 3-я авторская ред. стих. «Мы кузнецы» (первые две — в 1906 и 1912). Стих. «Мы кузнецы» было переведено на немецкий, финский, румынский, китайский и др. яз. Поэт был членом объединения пролетарских писателей «Кузница», почетным членом кружка «Рабочая весна». Продолжая пропагандистско-воспитательную работу, часто встречался с рабочими и начинающими авторами. «Запросто приходил он в поэтические кружки и объединения, делился с молодежью опытом большой своей жизни, слушал стихи товарищей и читал свои собственные. С огромным уважением относилось младшее поколение революционных литераторов к ветерану пролетарской поэзии» (Наровчатов С.— С. 67). В 1929 Ш. издал сб. **«Кузнецы»**. В 1930 в Москве состоялось торжественное чествование поэта в связи с 40-летием его творческой деятельности. Последним опубликованным его стих. было **«Перегоним»**. Автор выражал уверенность в том, что «богатырь — рабочий класс» Европу догонит и перегонит, порукой тому «и совхозы, и колхозы, и Турксіб, и Днепрострой».

Соч.: Избранные стихотворения. М., 1960; Мы кузнецы: Избранные стихи. М., 1962; Стихотворения. М., 1973; Я коммунист: стихи // Время, вперед! сб. М., 1986. С. 29–30; Красный звон // Всегда в строю: сб. М., 1987. С. 29–44; Стихи // В Политехническом «Вечер новой поэзии»: сб. М., 1987. С. 245–248; Стихи // Русская поэзия начала XX века: сб. М., 1988. С. 368–369.

Лит.: Назаров Н. Встречи и письма. Владимир, 1957. С. 63, 71, 86–88; Силенко А. Певец труда //

Шкулев Ф. С. К счастью ключи... М., 1960. С. 5–18; Шацева Р. К истории песни «Мы кузнецы» // Вопр. лит-ры. 1968. № 8; Точный О. Певец труда // В мире книг. 1968. № 12; Шабунин А. Певец труда. Архангельск, 1968; Наровчатов С. Атлантида рядом с тобой. М., 1972. С. 65–67; Трегубов А. Филипп Шкулев // Шкулев Ф. С. Стихотворения. М., 1973. С. 5–18.

В. А. Шошин

ШМЕЛЁВ Иван Сергеевич [21.9(3.10).1873, Москва — 24.6.1950, Бюсси-ан-От] — прозаик.

Родился и вырос в Замоскворечье, в семье известного в столице подрядчика по строительным работам. В доме сохранялись традиции православного благочестия, патриархальный уклад. Детство Ш. прошло в тесном общении с мастерами, что позволило ему хорошо узнать и полюбить народную, трудовую Россию.

Стремление к лит. творчеству пробудилось у Ш. еще во время обучения в московской гимназии. В 1895 в ж. «Русское обозрение» был напечатан первый рассказ **«У мельницы»**. В том же году, совершая свадебное путешествие на Валаам, Ш. заехал в Троице-Сергиеву лавру, чтобы получить благословение известного подвижника, иеромонаха Варнавы Гефсиманского. Старец предрек Ш. предстоящий ему «крест» страданий, прозрел и укрепил в нем писательский дар, сказав: «Превознесешься своим талантом» (**«У старца Варнавы»** // СС. Т. 6. С. 284).

И. С. Шмелёв

Книга очерков **«На скалах Валаама»** (1897), описывающая Валаамский монастырь с точки зрения светского туриста, была, по словам Ш., наивной, незрелой и не имела успеха у читателя. На 10 лет Ш. отходит от писательского труда. Окончив в 1898 юридический ф-т Московского ун-та, он служит чиновником в центральных губерниях России.

Возвращение в лит-ру было ознаменовано рассказом **«К солнцу»** (1905, опубли. 1907) и рядом др. произведений для детей и юношества, опубликованных в ж. «Детское чтение». В 1907 Ш. выходит в отставку, возвращается в Москву и всецело посвящает себя лит-ре. Он сотрудничает в изданиях народного и демократического направления, переписывается с М. Горьким. В 1909 Ш. стал активным членом «Среды» — лит. кружка, объединявшего писателей-реалистов (А. Чехов, М. Горький, В. Вересаев, Е. Чириков, А. Серафимович, А. Куприн, Л. Андреев), а в 1910 вошел в товарищество литераторов «Знание», идейно направлявшееся Горьким. В 1912 Ш. стал одним из учредителей «Книгоизд-ва писателей в Москве», где сотрудничал с И. А. и Ю. А. Буниными, Н. Д. Телешовым, В. В. Вересаевым, Б. К. Зайцевым и др.

В ранних рассказах и повестях Ш. (**«Вахмистр»**, 1906; **«Распад»**, 1907; **«Иван Кузьмич»**, 1907; **«Гражданин Уклеин»**, 1908) звучит тема мучительной, несправедливой и непросветленной жизни; автор сочувствует «маленьким» людям, которые хотят вырваться из пустоты и однообразия окружающего мира и строить новую жизнь. Ш. наблюдает распад старого патриархального уклада, конфликт поколений отцов и детей. Повесть **«Человек из ресторана»** (1911), написанная в характерной для Ш. форме сказа от лица пожилого офицанта, принесла автору громкий успех и поставила его в первые ряды писателей реалистической школы начала века. Характер героя — надломленного, глубоко страдающего и в то же время обозленного на несправедливость жизни, мрачноватая и нервная атмосфера повести напоминали книги раннего Достоевского. Критика высоко оценила прежде всего силу социального обличения, образ молодого революционера, которому отданы авторские симпатии. Однако в повести присутствовала и иная тема — христианского смирения, связанная с фигурой загадочного старичка, говорящего: «Без Господа не проживешь!»

Рассказы Ш. 1910-х охватывают многоликую, многоцветную народную Россию. Герои обретают духовные силы в общении

с природой, с простым народом, которому противопоставлена морально опустошенная интеллигенция (**«Патока»**, 1911; **«Стена»**, 1912; **«Волчий пережат»**, 1913). Однако и в описании спокойного, здорового крестьянско-купеческого быта (**«Росстани»**, 1914), и в сдержанно-печальных картинах народных страданий военной поры (цикл очерков **«Суровые дни»**, 1914), и в спорах офицеров — героев рассказа **«Лик скрытый»** (1916) чувствуется нарастание тревоги, ощущение непрочности этого мира, близость великих исторических потрясений.

В целом дореволюционные произведения Ш. вдохновлены верой в земное счастье людей в светлом и радостном будущем, упованиями на социальный прогресс и просвещение народа, ожиданиями перемен в общественном строе России. Увлечшись в юности идеями дарвинизма, толстовства, социализма, Ш. на долгие годы отходит от Церкви и становится, по собственному признанию, «никаким» по вере (С. Т. 6. С. 282). Однако уже в этот период явственно звучат в его произведениях темы страдания и сострадания человеку, которые станут определяющими во всем последующем творчестве художника.

Февральскую революцию Ш. принимает восторженно. Он едет в Сибирь, чтобы встретить возвращающихся политкаторжан, выступает на собраниях и митингах, рассуждая о «чудесной идее социализма». Однако вскоре ему открывается подлинный, страшный лик революции. Писатель приходит к выводу, что религиозному сознанию русского крестьянина чужда пропагандируемая новой властью доктрина. Октябрьский переворот и последующие за ним события стали причиной перелома в мировоззрении и идеологических ориентациях Ш.

В 1918 Ш. уезжает с семьей в Алушту, где покупает дом с участком земли. Здесь им закончена повесть **«Неупиваемая чаша»** (1918) — романтическая история жизни крепостного живописца, создающего в любовном экстазе икону-портрет любимой женщины; написаны антивоенная, полная гротеска повесть **«Это было»** (1919–22) — о сумасшедшем полковнике, захватившем госпиталь; рассказ **«Чужой крови»** (1919) — о характере русского солдата, попавшего в плен. В 1919 Ш. пишет цикл политических сказок-памфлетов **«Инородное тело»**, **«Степное чудо»** и др., где революционные события трактуются как соблазнение народа чужеродными идеями, заражение «инородным телом» марксизма. Виновны в этом все сословия: солдаты, мещане, ученые, бары — все,

кто предал родину и забыл Бога. Спасти Россию смогут «святой Микола», «белый воин», «хозяйственный мужик».

Осенью 1920 Крым был занят красными частями. Единственный сын Ш., которого он беззаветно любил, Сергей, был арестован и без суда расстрелян. Ужасы массовой резни, устроенной большевиками в Крыму в 1920–21, страдания и гибель тысяч неповинных людей привели Ш. к тяжелой душевной депрессии. В нояб. 1922 он выезжает в Берлин, а с 1923 поселяется в Париже, где и проходит последующая часть его творческого пути. Картина гибели всего живого в Крыму в период красного террора открывается в эпопее Ш. «**Солнце мертвых**» (1924). В этой книге Ш. рисует торжество зла, голод, бандитизм, постепенную утрату людьми человеческого облика. Стиль повествования отражает запредельное отчаяние, смятенное сознание рассказчика, который не в силах понять, как мог осуществиться такой разгул безнаказанного зла, почему вновь настал «каменный век» с его звериными законами. Рефреном проходит через книгу образ пустых небес и мертвого солнца: «Бога у меня нет. Синее небо пусто...» Эпопея Ш., с огромной худож. силой запечатлевшая трагедию русского народа, была переведена на мн. яз. и принесла автору европейскую известность.

Годы, проведенные Ш. в эмиграции, насыщены плодотворной творческой работой. Ш. публикуется в самых различных изданиях российского зарубежья: «Последние новости», «Возрождение», «Иллюстр. Россия», «Сегодня». «Совр. записки», «Русская мысль» и др. За рубежом при жизни писателя вышло около 20 его книг на русском яз. Ш. остро переживал то, что в СССР все они были запрещены.

В целом рассказы и повести Ш. 1920–30-х отражают крушение просветительски-народнической идеологии. Одной из магистральных тем его творчества становится беспощадный суд над либеральной интеллигенцией, которая соблазнила народ, «отняла» у него Бога и пробудила разгул низменных страстей, жертвой которого сама же и пала. Творчество этих лет проникнуто острой болью за поруганную родину и ее оскверненные святыни. Вместе с тем Ш. резко осуждает европейский мир, который также способствовал разрушению России. Он обличает бездуховность, приземленность совр. западной цивилизации, в которой комфорт, удобства и развлечения стали главной целью существования.

Рассказы «**Два Ивана**» (1924), «**Про одну старуху**» (1925), «**Крымские рассказы**» (1924–36), повести «**Каменный век**» (1924), «**На пеньках**» (1925) продолжают тему «Солнца мертвых». Автор повествует о бездне страданий русского народа, ввергнутого в братоубийственную гражданскую войну, о кровавом торжестве злой стихии, гневно обличая тех, кто перестроился, «применился» к новой власти и идеологии, кто способен «плюнуть в лицо России, во все святое». Сб. «**Свет разума**» (1928) посвящен теме духовного очищения, религиозного обновления людей, обреченных на тяжкие испытания в атеистическом государстве. В книге «**Въезд в Париж. Рассказы о России зарубежной**» (1929) раскрываются драматические судьбы русских изгнанников.

В 1927 увидел свет лирический, отчасти автобиографический роман Ш. «**История любовная**» — о пробуждении первых любовных чувств подростка, в котором идеальная романтическая любовь вступает в конфликт с греховным плотским желанием. Здесь «появляется символика, связанная с православным каноном. Она проявляется на всех уровнях художественного текста: в композиции, образах, сценах, деталях, языке» (Осьминина Е. А. Для очистки и отчистки с жизнью // Москва. 1994. № 9. С. 112.). В неоконченном романе «**Солдаты**» (1930) Ш. воссоздает картины русского общества начала XX в. Название романа означает собирательный образ всех людей, объединенных любовью к России, всех носителей национальной идеи, стремящихся укрепить и строить Русь. Им противостоят политики-«демократы», оплевывающие армию и разлагающие страну.

«Исповедь раненого сердца» — это определение И. А. Ильина можно отнести не только к худож. произведениям Ш., но и к его публицистике, расцвет которой приходится на середину 1920-х — 1930-е. Многочисленные очерки и публицистические выступления Ш. объединены бесконечной любовью к родине, мыслью о великом и особом духовном предназначении в судьбах мира. Ш. верит в грядущее возрождение России, которое возможно только «на основе религиозной... — евангельское учение деятельной любви». Идеи Ш. во многом близки концепции русской истории, которую развивал в своих трудах близкий друг и единомышленник Ш. философ И. А. Ильин.

«Среди зарубежных русских писателей Иван Сергеевич Шмелев — самый русский,—

отмечал поэт К. Бальмонт.— Ни на минуту в своем душевном горении он не перестает думать о России и мучиться ее несчастьями» (Памяти Ивана Сергеевича Шмелева. С. 31). Эти слова помогают понять, почему Ш. часто оказывался одинок в культурной среде русской эмиграции, имевшей преимущественно либерально-демократическую и западную ориентацию. Критику раздражал патриотизм и национальная устремленность творчества писателя. «Черносотенной полицией» окрестила эмигрантская пресса роман «Солдаты», где достойно показаны царские офицеры. Г. Адамович преследовал Ш. оскорбительными, игриво-глумливыми рецензиями. Ш. не могли простить «православные русские традиции... то, что он осмелился встать на защиту исторической России против революции» (Сорокина О. 1994. С. 207). Среди немногих друзей и единомышленников Ш. можно назвать И. А. Ильина, семью генерала А. И. Деникина, Н. К. Кульмана, В. Ладыженского, К. Бальмонта, А. Куприна.

Как на родине, так и в эмиграции на Ш. одно за другим обрушивались «предельные испытания». В 1936 умерла жена Ш. Ольга Александровна, его верная спутница, и с этого момента он несет нелегкий крест душевного одиночества. Ш. страдал тяжелой хронической болезнью, обострения которой не раз ставили его на грань смерти. Материальное положение Ш. порой доходило до нищеты. Война 1939–45, пережитая им в оккупированном Париже, клевета в печати, которой недруги пытались очернить имя престарелого писателя, усугубляли его душевные и физические страдания. По воспоминаниям современников, Ш. был человеком исключительной душевной чистоты, не способным ни на какой дурной поступок. Ему были присущи глубокое благородство натуры, доброта и сердечность. О пережитых страданиях говорил облик Ш.— худого человека с лицом аскета, изборожденным глубокими морщинами, с большими серыми глазами, полными ласки и грусти.

Самой известной книгой Ш. является **«Лето Господне»** (1927–31, 1934–44). Обращаясь к годам детства, Ш. запечатлевает мировосприятие верующего ребенка, доверчиво принявшего в свое сердце Бога. Крестьянская и купеческая среда предстает в книге не диким «темным царством», но целостным и органичным миром, полным нравственного здоровья, внутренней культуры, любви и человечности. Ш. далек от романтической стилизации или сентиментальности. Он рисует подлинный уклад русской жизни не столь

давних лет, не затушевывая грубых и жестоких сторон этой жизни, ее «скорбей». Однако для чистой детской души бытие открывается прежде всего своей светлой, радостной стороной. В «Лете Господнем» чрезвычайно полно и глубоко воссоздан церковно-религиозный пласт народной жизни. Смысл и красота православных праздников, обрядов, обычаев, остающихся неизменными из века в век, раскрыт настолько ярко и талантливо, что книга стала подлинной энциклопедией русского православия. Удивительный язык Ш. органически связан со всем богатством и разнообразием живой народной речи, в нем отразилась сама душа России. И. А. Ильин отмечал, что изображенное в книге Ш.— не то, что «было и прошло», а то, что «есть и пребудет... Это сама духовная ткань верующей России. Это — дух нашего народа». Ш. создал «художественное произведение национального и метафизического значения», запечатлевшее «источники нашей национальной духовной силы» (Ильин И. А.— С. 180, 183).

Живое соприкосновение с миром святости происходит и в примыкающей к «Лету Господню» книге **«Богомолье»** (1931), где в картинах паломничества в Троице-Сергиеву лавру предстают все сословия верующей России. Подвижническое служение «старца-утешителя» Варнавы Гефсиманского воссоздано Ш. с prizнательной любовью.

Роман **«Няня из Москвы»** (1934), написанный в излюбленной Ш. форме сказа (в которой писатель достиг непревзойденного мастерства),— это повествование бесхитростной русской женщины, попавшей в бурный водоворот событий истории XX в. и оказавшейся на чужбине. Глубокая вера, внутреннее спокойствие, безграничная доброта и духовное здоровье позволяют Дарье Степановне трезво оценивать все происходящее с людьми и страной. В простых словах няни о грехе и воздаянии открывается смысл страданий России — необходимой и спасительной кары для ее очищения и воскрешения. Ласковое, певучее народное слово, меткое и образное, с неслучайными оговорками и поговорками высвечивает пустоту либеральных фраз ученого профессора, уродливо-извращенный мир декаданса, пошлость и механистичность американской цивилизации. С добрым юмором показан беспечный, своенравно-капризный характер воспитанницы няни, запутавшейся в своих любовных переживаниях; с сочувствием — нелегкие судьбы солдат Добровольческой армии в эмиграции. В страданиях, теряя подчас здо-

ровые и богатство, герои романа обретают душу, приходят к Истине.

Поэтический очерк «**Старый Валаам**» (1936) вводит читателя в мир православного русского монастыря, рисует жизнь, погруженную в атмосферу святости. С светлой грустью вспоминая свою юношескую поездку на остров, Ш. показывает, как монашеское бытие озаряет человеческую жизнь светом вечности, претворяет скорбь в высокую радость. Образы Святой Руси наполняют также очерк «**Милость преподобного Серафима**» (1935) — о том, как Ш. был спасен от смертельной болезни после горячей молитвы к батюшке Серафиму Саровскому, и повесть «**Куликово поле**» (1939) — о чудесном явлении в Советской России преподобного Сергия Радонежского, ободряющего и укрепляющего оставшихся там христиан.

Тема реальности действия Божественного Промысла в земном мире получила широкое воплощение в итоговом произведении писателя — романе «**Пути небесные**» (т. I — 1937; т. II — 1948). Роман воссоздает судьбы реальных людей, выведенных под своими собственными именами, — скептика-позитивиста, инженера В. А. Вейденгаммера (родственника жены Ш.) и глубоко верующей, кроткой и внутренне сильной Дарьи Королевой — послушницы Страстного монастыря в Москве, покинувшей обитель, чтобы связать свою жизнь с Вейденгаммером. Книга посвящена таинственному пути соединения человека с Богом, спасению души. Сам Ш., предпринимая «опыт духовного романа», ставил задачи, которые, по его мнению, не удалось решить русской классике: показать путь обретения веры интеллигентом-скептиком и воплотить образ церковвленной, глубоко верующей девушки.

Роман стал уникальным явлением в русской лит-ре: в основе раскрытия судеб и характеров лежит святоотеческая культура, православное аскетическое мировоззрение. Его внутренним сюжетом является невидимая «духовная брань» героев со страстями, искушениями и нападениями злых сил. Даринька — новый для русской классики тип глубоко воцерковленного человека. Молитвенный подвиг, упорная и жестокая борьба с грехом в себе и внешними соблазнами, скорбь от тяжких падений и духовная радость побед, благодатные озарения — эти моменты нашли проникновенное и многогранное воплощение на страницах первого тома романа. Однако во втором томе молитвенность героини начинает перерастать в экзальтированность, ее трезвенно-смирненная жизнь все больше

вытесняется неоправданным провиденциализмом, восторженностью, сверхчувственными способностями. На «духовном романе» сказалось влияние Серебряного века с его утонченной образностью и нецерковной мистикой, немалую роль сыграло и увлечение Ш. философией Вл. Соловьева (в том числе идеей Вечной Женственности). Все это осложняло попытку Ш. последовательно выразить христианские представления о мире и человеке. Смерть оборвала работу писателя над третьим томом, где проводником соловьевских взглядов должен был стать старец Амвросий Оптинский.

Ш. отличала особая любовь к атмосфере монастырской жизни. Совершая в 1936 поездку по Прибалтике, он останавливался в Псково-Печорском монастыре, дважды (в 1937 и 1938) посещал обитель преподобного Иова Почевского в Карпатах, а после войны планировал уехать на год в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилль (США). «Мое горячее желание для спокойной работы — жить около монастыря. Я ишу родной воздух...» — писал он в 1948 (Сорокина О. 1994. С. 332).

Кончина писателя-подвижника глубоко символична: 24 июня 1950, в день именин старца Варнавы, некогда благословившего его «на путь», Ш. приезжает в расположенный неподалеку от Парижа русский монастырь Покрова Божией Матери и в тот же день тихо передает душу Богу. Ш. был похоронен на парижском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. В 2000 исполнено завещание писателя: его останки перенесены на родину и погребены рядом с могилами родных в московском Донском монастыре.

Соч.: СС: в 8 т. М., 1998–2000; [Письма к сыну] // Слово. 1991. № 12; [Письма к А. В. Амфитеатрову] // Слово. 1992. № 11–12; Письма к А. Б. Дерману // Лит. обозрение. 1997. № 4; Письма к И. А. Ильину // Ильин И. А. СС: Переписка двух Иванов: [в 3 т.]. М., 2000; Роман в письмах: [Переписка Ш. с О. А. Бредиус-Субботиной]: в 2 т. М., 2003–04.

Лит.: Иван Сергеевич Шмелев: библиография / сост. Д. М. Шаховской. Париж, 1980; Памяти Ивана Сергеевича Шмелева: сб. статей и воспоминаний. Мюнхен, 1956; Любимов Б. Н. Душа Родины // Шмелев И. С. Лето Господне. Богомолье. Статьи о Москве. М., 1990; Ильин И. А. О тьме и просветлении. М., 1991; Осьминина Е. А. Иван Шмелев — известный и скрытый // Москва. 1991. № 4; Сорокина О. М. Москвитина: Жизнь и творчество Ивана Шмелева. М., 1994; 2-е изд. 2000; Черников А. П. Проза И. С. Шмелева. Калуга, 1995; Осьминина Е. А. Вступ. статьи // Шмелев И. С. СС: в 8 т.; Дунаев М. М. И. С. Шмелев // Дунаев М. М. Православие и русская лит-ра. Ч. 5. М., 1999; Борисова Л. М.,

Дзыга Я. О. Продолжение «золотого века»: «Пути небесные» И. С. Шмелева и традиции русского романа. Симферополь, 2000; [Воспоминания об И. С. Шмелеве] // Шмелев И. С. Душа Родины: Рассказы и воспоминания. М., 2001; Венок Шмелеву: [сб. материалов и исследований]. М., 2001; Шешунова С. В. Образ мира в романе И. С. Шмелева «Няня из Москвы». Дубна, 2002; Любоумров А. М. Духовный реализм в лит-ре Русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб., 2003.

А. М. Любоумров

ШОЛОХОВ Михаил Александрович [11(24).5.1905, хутор Кружилин Донецкого округа Области Войска Донского (ныне Шолоховский р-н Ростовской обл.) — 21.2.1984, ст. Вешенская Ростовской обл.] — прозаик.

Отец, выходец из Рязанской губ., до самой смерти менял профессии, был «шибаем» (скупщиком скота), сеял хлеб на арендованной казачьей земле, служил приказчиком в коммерческом предприятии хуторского масштаба; мать — «полуказачка, полукрестьянка», служила горничной. Насильно выданная замуж за казака-атаманца Кузнецова, она оставила его, сойдясь с А. М. Шолоховым. Ш. появился на свет незаконнорожденным (отчасти об этом его автобиографический рассказ «**Нахаленок**», 1925). В 1912, после смерти Кузнецова, родители Ш. обвенчались. До этого он носил фамилию первого мужа матери, имел казачий пай земли и все казачьи привилегии. Усыновленный после смерти Кузнецова фактическим отцом, Ш. стал считаться «сыном мещанина» (т. е. «иногородним») (см.: Советские писатели: Автобиографии. М., 1959. Т. 2. С. 653; Рышко Е. Соавтор — жизнь // Лит. газ. 1985. 5 июня). В 1910, прожив в Кружилине 5 лет, Шолоховы переехали в хутор Каргин (позднее станица). С 1911 Ш. берет уроки у домашнего учителя Т. Т. Мрыхина, через год поступает в Каргинское приходское училище. В 1914 по поводу болезни глаз отец отвозит Ш. в Москву, в глазную клинику доктора Снегирева (сюда Ш. поместит потом своего героя Григория Мелехова). После излечения Ш. был определен в подготовительный класс московской гимназии им. Г. Шелапутина. В 1915 родители переводят Ш. в богучарскую гимназию. Обучение было прервано революционными событиями. Некоторое время Ш. учился во вновь открытой вешенской гимназии. Полный курс завершить не удалось (окончил только 4 класса). Детство Ш. прошло между казачьим куренем и тихим Доном, коридорами гимназий и бесконечной лазо-

М. А. Шолохов

ревой степью, военно-земледельческим укладом казацко-крестьянской жизни и бытом вольных хуторян, — детство между городом и селом на стыке мирной и военной жизни.

В годы Гражданской войны Ш. жил на территории белого казачьего правительства. «Поэты рождаются по-разному, — признавался писатель. — Я, например, родился из гражданской войны на Дону» (Михаил Александрович Шолохов. М., 1966. С. 158). Ш. оказался в самом эпицентре гражданской междоусобицы, видел белый стан изнутри. Видимо, это обстоятельство предредило выбор ракурса худож. исследования в «**Тихом Доне**»: показать не борьбу красных с белыми, а, наоборот, белых с красными. В марте 1919 он стал очевидцем трагических событий Верхне-Донского контрреволюционного восстания, вспыхнувшего в тылу Красной Армии. «С белыми никто из нашей семьи не отступал, — писал Ш., — но во время Вешенского восстания был я на территории повстанцев» (Знамя. 1987. № 10. С. 137). Начиная с 1920, «момента окончательного установления советской власти на Дону», Ш. 15-летним подростком работал учителем по ликвидации неграмотности среди взрослого населения в хуторе Латышеве (февр.—сент. 1920), служащим в станичном ревкоме, счетоводом, канцелярским работником, журналистом. С 1920 долго служил подработником. «Гонялся за бандами, властвовавшими на Дону до 1922 года, и банды гонялись за нами». Писал агитационные пьесы, которые ставились